А. Д. ПАПАЗЯН

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КУРДСКОГО НАРОДА

Несмотря на возросший в последние годы интерес к историческому прошлому курдского народа, имеющиеся исследования далеко неудовлетворительны. Это объясняется тем, что еще не изучены важные для истории курдского народа первоисточники на арабском, турецком и персидском языках[1]. В нашем курдоведении наметилась тенденция преодоления отмеченной выше узости, и тут важно использование сведений не только известных источников[2], но и расширение их круга.

Особенно важное значение имеют источники, принадлежащие перу средневековых курдских авторов[3]. Вопреки мнению Крича, что курды не имеют своей историографии[4], многие выдающиеся представители средневековой науки были курдами по происхождению[5], а некоторые из них выступали

---

[1] *E. M. Quatremère*: Notice etextraits des manuscripts de la Bibliteque du roi et autres bibliotheques, Paris, 1838.

[2] Г. Б. Акопов. Арабские источники по этнической истории курдов... «Страны и народы Ближнего и Среднего Востока», вып. III, АН Арм. ССР, 1967, стр. 175—205. Его же. Курды и курдский вопрос в турецкой историографии. «Страны и народы Ближнего и Среднего Востока», вып. V, 1970, стр. 381—407.

[3] Наиболее полное собрание извлечений из них: *F. Charmoy*. Chèref nameh ou fastes de la nation kourde par Cheref-ou'ddine, prince de Bidlis dans l'Vîâlét d'Arzeroume. l. I-II, s.-Pbg., 1868—1875.

[4] *I. Creach*. Armenians, Koords and Turks, vol. II, 1880, p. 167.

[5] См. Н. Я. Марр. Еще о слове «челеби». ЗВО, т. XX, вып. II—III, 1911.

именно как курдские историки. Наиболее известны среди них Молла Идрис Битлиси и Шараф-хан Битлиси, а также Махмуд-хан Дунбули и Абд-аль-Раззак-бек Дунбули из хойского племени Дунбули, оставившие достойные внимания исторические труды. Молла Идрисом написана история Османского государства от начала его возникновения до времен султана Селима I. Она озаглавлена «Хашт бехешт» или «Тарих-е ал-е Осман». Двухтомный исторический труд Шараф-хана «Шараф-наме», первый том которого целиком посвящен истории курдских племен, а второй является хроникой политических событий в Иране, Турции и Средней Азии в 1290—1596 гг., широко известен в востоковедении[6]. Известны также, хотя и не так широко, труды Абд-аль-Раззак-бека Дунбули (1762—1827). Его двухтомный «Муасир-е султанийе», охватывающий историю раннего периода Каджаров и изданный в 1826 г. в Тавризе, является первенцем иранского книгопечатания. Из неопубликованных его трудов известны рукопись «Нигаристан-е Дара», посвященная придворным поэтам Фатх-Али-шаха, и содержащая личные воспоминания автора «Таджрибат ал-ахрар ва таслиат-ал-абрар»[7].

Этими работами исчерпывается, пожалуй, круг известных науке трудов курдских авторов. Как, однако, показало обнаружение М. Б. Руденко в Ленинграде работы курдского историка Молла Махмуда Баязиди[8], дело не в том, что их нет, а в том, что основная их масса еще не открыта. Типична в этом отношении и история открытия в Матенадаране рукописей трех таких уникальных работ.

Еще в 1937 г. В. Минорский высказал предположение, что перу Абд-аль-Раззака должен принадлежать труд, посвященный истории феодального рода курдского племени Дунбули[9]; позднее по списку библиотеки Иранского меджлиса выяснилось, что действительно такой труд есть и называется он «Тарих-е данабиле»[10], хотя, по сообщению Аззари, он именуется также и «Риаз аль-Джанна»[11]. Отмечая значение основного труда Абд-аль-Раззака «Муасир-е султанийе»,

---

[6] Издан и на русском языке: **Шараф-хан Битлиси.** «Шараф-наме», т. I, М., 1967.

[7] *C. A. Storey.* Persian literature. A bio-bibliographical surves. London, 1953, u. I. part 2, p. 334.

[8] **Молла Махмуд Баязиди.** Нравы и обычаи курдов. М., 1963.

[9] BSOS, IX/I, 1937, p. 254; ср. См. *C. A. Storey,* v. I, part 2, p. 129.

[10] فهرست کتابخانه مجلس شورای ملی، تالیف یوسف اعتصامی، تهران ۱۳۱۱ ص ۳۱۵

[11] *C. A. Storey.* I, part 2, p. 1299.

И. П. Петрушевский упоминает и его «Тарих-е данабиле», сообщая, что, по сведению О. Л. Вильчевского, рукописный экземпляр этого труда хранится в ереванском Матенадаране[12].

В 1957 г. после тщательной проверки рукописей всего арабского фонда Матенадарана выяснилось, что упомянутая рукопись неверно описана и хранится под совершенно иным заглавием за номером 7938 армянского фонда. Внимательное изучение этой объемистой рукописи, состоящей из 251 листа, показало, что действительно ее последние страницы (222б—249б) содержат экземпляр (написанный красивым почерком насх) работы Абд-аль-Реззака, посвященной генеалогии племени Дунбули.

Краткое описание данного текста, а также всей рукописи, хранящейся теперь под номером 622 арабского фонда, мы впервые дали в докладе, прочитанном на I Всесоюзной конференции востоковедов в Ташкенте[13]. Хотя и сведения «Тарих-е данабиле» ограничиваются пока лишь библиографическими данными и имеющийся у нас текст не озаглавлен и не имеет указания на рукопись-оригинал, однако то обстоятельство, что в нем изложена история дунбулиев, позволяет сказать, что в данном случае мы имеем дело с уникальным рукописным экземпляром «Тарих-е Данабиле». Между ним и «Таджрибат-аль-ахрар ва таслиат-аль-абрар», содержащим личные воспоминания того же автора, есть некоторое сюжетное сходство. Однако внимательное сличение его с данным Чарльзом Рио описанием рукописи, хранящейся в Британском музее, показало, что структура у них совершенно различна, сведения о событиях и лицах даны в ином распределении материала и изложении.

Наш текст начинается следующими словами:

بسم‌الله الرحمن الرحيم. بازنمودن احوال قبيله و اجداد جامع نسخهٔ بديع بنياد يقول حاوى الاوراق المتمسك بجبل النبى و الوصى ابن‌نجفقلى الدنبلى عبدالرزاق عفى الله تعالى عنه...

«Во имя сострадательного и милостивого бога. Это есть начало истории составителя этой новосозданной книги и, как сказано на страницах книги, в связи с поколением пророка, истории рода и предков Абд-аль-Раззака—сына Наджаф-кули Дунбули—пусть всемогущий бог простит его» (стр. 224б).

---

[12] См. **И. П. Петрушевский.** Очерки по истории феод. отнош. в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв. Л., 1949, стр. 43.

[13] См. **А. Д. Папазян.** Историографическая ценность персидских рукописей Гос. Матенадарана. «Материалы I Всесоюзной конференции востоковедов», Ташкент, 1958.

Эту историю Абд-аль-Раззак начинает кратким описанием принятия одним из крупных племен курдов-курманджий, Дунбули, мусульманской веры шиитского толка в начальный период Сефевидского Ирана[14]. Затем автор переходит к истории своего прадеда—Салман-халифе второго, подчеркивая его роль и отвагу в боях с турками в начале XVII в. (стр. 226а—226б). Далее он говорит о своем деде, Шахбаз-хане, властвовавшем в Хое до 1724 г. и убитом во время осады и разрушения этого города турками (стр. 226б—227а). Вслед за тем Абд-аль-Раззак переходит к изложению жизни и деятельности своего отца Наджафкули-хана, одного из крупных полководцев Надир-шаха; Наджафкули-хан участвовал во всех походах Надира, а позднее был назначен бекларбеки Тавриза (стр. 228а—237б). Особый интерес представляют страницы, посвященные изложению политических событий периода после Надира до прихода к власти Каджаров. Подробно описаны обстоятельства убийства Муртузакули-хана Надиром, затем вручение Хойского ханства его сыну Шахбаз-хану, заверение последнего в верности Ага-Мухаммад-хану, его смерть и т. д. Много места уделено также описанию возвращения из Шираза брата Абд-аль-Раззака Фазль-Алибека и в связи с этим—истории войн Наджафкули-хана с занджанским владетелем Зольфегар-ханом. Труд завершается описанием сильного землетрясения 1780 г. в Тавризе и гибели брата. Из заключительной части мы узнаем, что Абд-аль-Раззак отправился в Шираз, по-видимому, с целью распорядиться делами семьи своего брата, которому он намеревался посвятить специальную главу, озаглавленную «Въезд пишущего эти строки в Шираз, история переселения друзей, их скорби и горя, разлуки с родственниками» (стр. 249а). Однако здесь, в начале страницы 249б, наш текст кончается.

Ясно, что труд этот не мог быть завершен таким образом. После заглавия, по традициям персидской средневековой историографии, следует аллегорическое вступительное слово, за которым должен был следовать основной текст. Между тем рукопись обрывается следующим бейтом:

ببال مرغ بستم نامهٔ سردارم سوی یارش
گرانبار است میترسم بگشاید بمنقارش

Трудно сказать, автор ли оставил свой труд незаконченным, или до нас дошла его неполная копия. Ясно одно: перед нами незавершенный текст. Но в данном случае речь не о «Тарих-е Данабиле», точнее, не только о нем. Дело в том, что

[14] До этого дунбулийцы были езидами. См. «Шараф-наме», I, М., 1967, стр. 83.

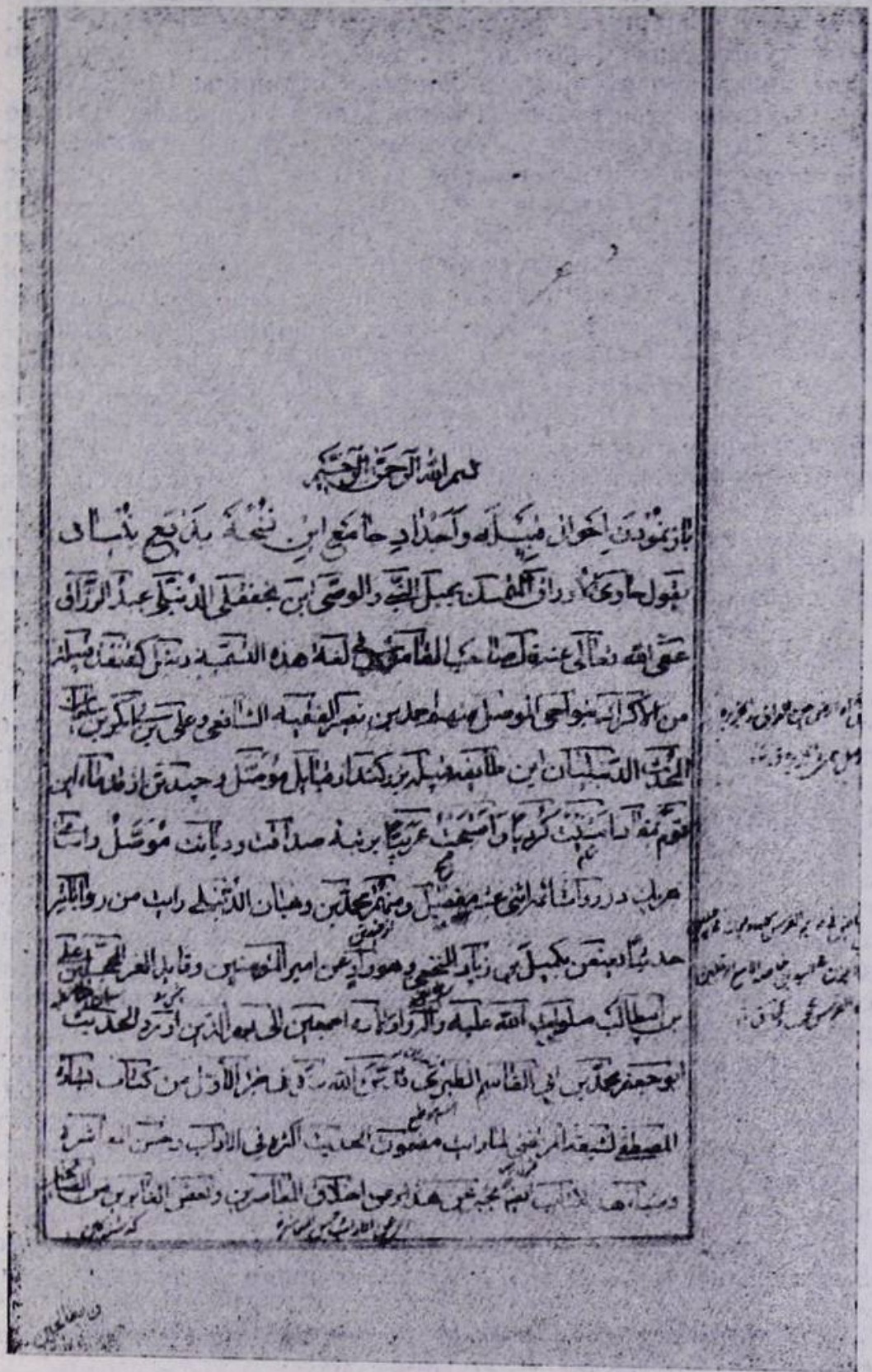

Рис. 1. Первая страница «Тарих-е Данабиле».

в поисках продолжения его текста мы наткнулись на рукопись двух обширных трудов нового автора—Рустам-хана, сына Ахмад-хана Дунбули. Их текст составляет основную часть названной рукописи и занимает страницы 1б—220б.

Описание этой рукописи нами дано в специальной статье о ней[15]. Не останавливаясь поэтому на деталях, отметим, что оба труда Дунбули переписаны по заказу автора в Мадрасе Мирза Салеха в Тегеране учеником этого мадрасе Али-Акбаром Тафреши в 1266 г. хиджры (1850); текст переписан неискусным почерком насталиг с грубыми орфографическими ошибками. 173 листа начала рукописи занимает историко-догматический труд Рустам-хана «Ишарат-уль-мазахиб»—اشارات المذاهب («Очерки о верованиях»). На страницах 174а—178а изображены различные астрологические таблицы, а на следующей 178б дано предсказание судьбы автора книги, сделанное в начале месяца зилхиджа упомянутого 1850 г.: «Это есть копия предсказания рождения Рустам-хан ибн Ахмад-хана Дунбули, автора этой книги и дарующего ее (отдающего в вакф). Божьей волею пусть отец, сын и мать живут долгие годы, и родители да будут довольны и счастливы своими сыновьями».

На страницах 178а—220б помещен второй, чисто догматический труд Рустам-хана, озаглавленный «Ишарат-уль-адян»—اشارات الاديان («Очерки о религиях»). Страница 221а чиста, на страницах 221б, 222а помещено более обширное предсказание судьбы автора, в начале которого говорится: «Это есть копия предсказания судьбы курда-курманджи, Исабеклу, Шамсеги и Бармаки Рустам-хана ибн-Ахмад-хана Дунбули-Яхья, дарующего эту книгу. Написано в начале месяца раджаб, в понедельник, в благородном и живописном городе Хое в турецком году собаки, что соответствует 1266 г. хиджры и 1219 г. Ездигерди (1850. IV 12). А расположение звезд таково, как описано ниже. Божьей волею пусть удостоится он долгой жизни и да принесет его рождение благополучие и счастье родителям».

Страницы 222б—249б охватывают знакомый нам труд Абд-аль-Раззака ибн-Наджафкули-хан Дунбули. В свободной части страницы 249б есть стихотворные строки о предках Дунбулиев, а на страницах 250а—253б, которыми завершается рукопись, записаны путевые заметки, принадлежащие перу, вероятно, Рустам-хана.

В нескольких местах рукопись скреплена печатью Рустам-хана, в частности, в начале и конце отдельных тек-

---

[15] Հ. Փափազյան. *Քուրդ ժողովրդի պատմության մի նոր սկզբնաղբյուր*-«Բանբեր Մատենադարանի», № 8, Երևան, 1967.

стов. В начале обоих трудов помещены вакуфные протоколы почти одинакового содержания о пожаловании или наследовании книги. Вот один из протоколов, записанный в начале «Ишарат-уль-мазахиба»: «Эту книгу с заглавием «Ишарат-уль-мазахиб» Рустам-хан ибн-Ахмад-хан, проводя через истинное шариатское сиге, отдал в вакф своим наследникам, с условием, чтобы она всегда оставалась у его сыновей, никому не давалась на хранение, и если кто-нибудь захочет переписать, то ее не следует выносить из дому. Книга должна остаться в доме самого образованного наследника. Благодаря господу-богу в нашей фамилии всегда были и будут образованные люди. Пусть <они> по мере своих сил продолжат <дело> и сделают язык красивым. Если кто будет возражать или станет игнорировать этим вакфом или же сотрет протокол, да удостоится он проклятия господа-бога. Я надеюсь, <наследники мои> постараются ввести в книгу нужные поправки, будут свято хранить мое завещание и поступать согласно этой грамоте. Написано в четверг 5-го числа месяца зика́да 1260 г. (1850. XI 12)».

Наши сведения об авторе ограничиваются страницами 60а—62а «Ишарат-уль-мазахиб». Это—данные самого автора, согласно которым он в возрасте двух лет лишился отца и остался на попечении матери. Последняя в свою очередь отдала его в опеку некоему Хасану из Хорасана. В пятилетнем возрасте в течение 40 дней он научился читать по-персидски. В юные годы он с большим рвением читал религиозную литературу, изучая религиозно-этические вопросы.

Небезынтересны раздумья Рустам-хана в религиозных вопросах, которые под конец приводят его к выявлению социальной сущности религии, как идеологического орудия в руках государства:

در طلب مرد حق بودم اوصافشان را در کتابها دیده بودم راه مرد خدا را بی پایان دیدم سراسر تنگ وخطرناك در ظاهر رهبری ندیدم در کتب ادیان برهانی نبود که عقل قبول نماید بیا و ببین حرف (ایشان) بی اعتبار بنظر آمد و رفتم ندیدم باز رفتم صلاح در آن دیدم که علمای ملل مختلف را به‌بینم اختلاف بی‌پایان احوال اخلاق بی معنی زیاد دیدم بعضی بطریق میراث دست بشاخ ضعف زده طایفهٔ بجهت پی‌روی خاطر و بیم جان پای بر کن لرزان نهاده جماعتی که علمای عریان باشند برای مال دنیا و بلندی مرتبه تکیه باستخوان پوسیده کرده و مردهٔ چند را پیشوای خود ساخته و نام دین‌داری بر خود بسته و اختلاف در شناختن خالق و ابتدای خلقت و انتهای کار بی‌نهایت بعضی... بهیچ اکتفا نموده منبع الوجود را نفی کرده بت بزرك از نیستی ساخته بعضی نیستی را اهریمن گفته هستی را یزدان بعضی که دارند و برآرند (؟) که حضرت نوربخش

عالم را که از هزاران هزاران جلوه دارد ملک‌طاوس گفته‌اند قومی بعداوت او را شیطان میخوانند دیدم که اول تکلیف که بر جمیع مخلوقات که شده است شناخت خداست اول بنای عداوت را بعد اوت یکدیگر بخدای یکدیگر گذاشته اند... بعداوت و ضدیت یکدیگر راهی گرفته که من راه حق را گرفته‌ام و دیگر باطل در آرایش خود و نکوهش دیگران حرف میزنند از دین‌داری اثری ندیدم در مدت قلیل یکصد و هشتاد شهر از ولایت روم و روس و ایران و هبش و زنك و عرب گردیدم قرار دادم که علمای هر مذهب به‌بینم دیدم که حرف بگوش ایشان نمی‌رود دایم در مشاطگی خود و برهم زدن کیش دیگران می‌باشند که تخریب کار بی قاعده آسان است در همین بلا مبتلا مانده‌اند ثواب یکی و گناه دیگری و حلال آن و حرام این هر دو لغو باطل بنظر آمد اول جمیع مذاهب نظر کردم حیلهٔ پادشاهان دیدم...

«Искал я настоящих людей, восхваления которых встречал я лишь в книгах. Увидел я путь божьего человека бесконечным от края до края, узким и опасным и без путеводителя. В религиозных книгах не нашел я слов, убеждающих человеческую мысль и, видишь ли, их слова тоже мне показались ничего не стоящими. Потому я решил встретиться с учеными различных религий и видел большие противоречия и весьма бессмысленные нравы. Некоторые по наследству хватаются за ветвь бессилия, другие, чтобы подчиниться мысли и боясь души, стоят на зыбкой основе, а другая группа—«нагие ученые», которые ради житейских ценностей и высокого положения опираются на гнилые кости, сотворив себе вождей из нескольких мертвецов, и называют себя верующими. И вообще, велики их разногласия в вопросе о творце и творении и конце света. Некоторые же, довольствуясь тщетой, превратили в святыню истоки бытия и сделали себе идолов из ничего, а другие небытие называют Ахриманом, бытие—Язданом[16].

Некоторые, <что>... имеют осветителя земли, который в каждую секунду сияет разными цветами, называют Малак-Тавусом, а другие по вражде называют их дьяволами. Видел я также, что от всех существ требуется только признание бога, однако люди свою вражду друг к другу проявляют также в отношении богов... идут по враждебному и противоположному друг другу пути и каждый твердит, что он следует по верному пути, а другой—по ложному. Восхваляют себя и порицают противника; итак, не видел я истинного верующего.

---

[16] Как видно, речь идет о зороастризме. См. **В. В. Струве.** Родина Зороастризма. «Советское востоковедение», т. V, 1948.

Рис. 2. Первая страница «Ишарат уль-мазахиб».

В течение короткого времени я побывал в 180 городах Рума (Турции), России, Ирана, Абиссинии, Занзибара и арабских стран. Решил я встретиться с вождями всех религий. Однако увидел, что никто из них не хочет слушать ни слова. Они заняты лишь тем, что выдают себя красивыми и стараются очернить противника. И поскольку неправому делу легко помешать, все они подвержены этому бедствию. Мне показались ложными как оправдание одного, так и осуждение другого, как признание одного, так и отклонение другого; и когда я хорошо изучил корни всех религий, увидел в них коварство и ухищрение царей».

Сделав такой вывод, Рустам-хан защищает принцип приверженности к добру, зная, что «сладости жизни всегда должны перемеживаться с горечью». Он наставляет себя не быть пленником желаний и замечает, что «такие раздумья похожи на соленую воду—сколько ни пьешь, жажда все более усиливается». Далее автор пространно говорит о тщете мира и бренности жизни, сообщая в ходе этих раздумий кое-какие сведения из своей биографии: «Пусть никто не будет соучастником пишущего эти строки в его участи. Ибо сорокалетняя служба не дала мне хлеба хоть на день. Я всегда был участником походов во время войн то с турками, то русскими, с афганами, узбеками или арабами. Я служил четырем следовавшим друг за другом царям и взамен не получил ни дня покоя. И вот однажды в возмещение моей сорокалетней службы двор захватил мои наследственные мульки, и хлеб насущный, который я получал как жалование из суммы арендной платы мульков, прекратился. Итак, из 200000 отцовского наследства я не истратил ни зернышка. Но слава господу, несмотря на это, господь-бог пожаловал мне то, что люди стремятся иметь в жизни. Всю жизнь я провел вместе с честной и верной женой. Бог мне подарил хороших детей; и всех их—сыновей и дочерей—удостоил удачного брака; построил я роскошные палаты, посадил райские сады, плодов которых, однако, не видел и не отведывал; посещал все святые места в мире и удостоился чести увидеть многих знатных людей».

Упомянутые биографические сведения и другие данные, разбросанные по рукописи, дают возможность заключить, что отцом Рустам-хана был Ахмад-хан Дунбули, правивший после Надира до 1786 г. Хоем и его окрестностями один из самых влиятельных ханов Азербайджана и глава курдского племени Дунбули. В указанном году в результате заговора соседних азербайджанских ханов Ахмад-хан вместе с братом Салман-ханом и старшим сыном был убит. Однако, говоря о своих близких предках и перечисляя сыновей Ахмад-хана,

Рустам-хан не упоминает своего имени. Согласно нашему источнику, после убийства Ахмад-хана осталось 8 его сыновей (стр. 88б), а при их перечислении автор упоминает лишь семерых: Хусейн-кули-хан, Джафар-кули-хан, Али-Мурад-хан, Кялб-Али-хан, Кязим-бек, Хаджи Шейх-Али-хан и Амир-Аслан-хан. Неясно, считает ли он восьмым убитого старшего сына—Хусейн-пашу, имя которого он лишь раз упоминает в связи с его участием в осаде Тавриза, или же здесь следует прибавить имя самого Рустам-хана? Если иметь в виду, что речь идет о сыновьях Ахмад-хана, оставшихся после его убийства, то можно думать, что восьмой—сам автор, поскольку старшего сына в это время уже не было в живых.

Если иметь в виду, что отцом Рустам-хана был Ахмад-хан, который умер, когда Рустаму было два года, окажется, он родился в 1784 г. Тот факт, что о войнах, происходивших в 1216 г. хиджры (1801—1802 гг.), Рустам-хан говорит как очевидец (стр. 92а), подтверждает тот вывод, что датой его рождения следует считать 1784—1785 гг. По другому поводу он сообщает, что с 17 лет был на военной службе и 40 лет служил четырем царям (стр. 62а). Если, таким образом, в начале века он участвовал в войнах, то во время работы над своей книгой за его плечами была сорокалетняя служба при Ага-Мухаммад-хане, Фатх-Али-шахе, Мухаммад-шахе и Наср эд-дин-шахе.

На странице 51б рукописи Рустам-хан дает в порядке преемственности список имен последних дунбулийских глав, начиная со своих современников до Салмана-халифе, ставшего известным в начале XVI в. при шахе Исмаиле. Первое имя в этом списке вычеркнуто и вместо него вписано «сын Ахмад-хана Рустам-хан», после чего следует одно неразборчивое имя. Эта поправка, вероятно, была сделана одним из сыновей Рустам-хана, но автор «по скромности» не считал себя достойным упоминания,—список дунбулийских вождей он завершил именем сына Хусейн-кули-хана Салман-хана, который в 1842 г. вернулся из России и был назначен хакимом Хоя (стр. 91а).

Изучение обоих трудов Рустам-хана показывает его глубокий интерес к древним иранским верованиям и к религии современных ему гебров-язданпарастов. Сами названия его трудов говорят об их религиозно-догматическом содержании, вторая работа содержит довольно обширные выписки из различных источников и, в частности, из зороастрийской литературы о древнеиранских верованиях. Несомненно, этот труд как исследование, сделанное в Иране в первой половине XIX в., явление, достойное внимания, однако как исторический первоисточник, он не представляет, конечно, особого интереса.

Совершенно иной характер имеет первый, более обширный и содержательный труд. Его начальная и конечная части также посвящены истории древнеиранской религии. После предварительного перечисления, по «Шах-наме», ряда мифических царей Ирана в специальной главе «Описание религии персидских царей, которых называют также Атрхушангом, Ахушангом, Хушангом или Ахуш-Махабадом» (21а) автор пытается дать описание дозороастрийских верований иранцев. Следующая глава—«Начало упоминания религии дунбулиев и персов, которых называют также иранцами» (21б). Интересно замечание автора об источниках: «Как говорит автор книги, никто не может сказать, что такой-то материал взят оттуда-то, потому что автор по одному упоминает названия всех книг» (29а). В этой главе Рустам-хан пытается доказать, что курды-дунбули долгое время сохраняли древнеиранскую религию, и это интересно в плане теорий о зороастрийской основе езидизма, в том числе и среди них.

Эта часть труда Рустам-хана важна еще тем, что, наряду с использованием письменных источников, автор объехал центральные области Курдистана и познакомился с сохранившимися у курдов многочисленными сектами. Так, говоря о секте спасян (سپاسمان), он пишет: «Пишущий эти строки долгое время жил с ними, расспрашивал, внимательно изучал книги их вождей, читал и вникал в их тайны и внутреннюю суть», и они „имеют веру язданпарастов". «آئین یزدان‌پرستی دارند». Кстати, секта спасян не известна в науке. Кроме нее автор дает описание секты Ахл-е хакк,[17] Бекташи, езидов и ряда других курдских сект[18].

Интересна даваемая автором история родных ему курдов-дунбули. Отмечая, что курды и после ислама долгое время сохраняли иранскую религию, Рустам-хан пытается на основе многочисленных источников доказать, что когда Муса Бармаки был назначен Мамуном правителем Сирии и Северной Месопотамии, он взял под свое покровительство курдов-езидов и построил в горах Санджара крепость Дунбул, и что по имени этой крепости курдские племена, объединившиеся под властью Мусы Бармаки, а в дальнейшем его сыновей и их преемников, начали называться «Дунбули».

Начав с происхождения курдов-дунбули, автор перехо-

---

[17] О ней см., например: **В. Ф. Минорский,** Материалы для изучения персидской секты «Люди Истины» или Али-Илахи, ч. I. Предисловие, тексты и переводы. М., 1911.

[18] О них см., например: *G. R. Driver*, The religion [illegible] BSOS, 1922, vol. II, pt. 2, pp. 197—213.

дит затем к описанию всех их ветвей, начиная с эпохи раннего средневековья и кончая своим временем. Согласно его данным, от дунбулиев происходят курдские племена Бармакулу, Дунбули-Яхья, Шамсеги, Исабеклу, Алямшахбеклу, Зафаранлу, Эйубхани, Шахнавазбеклу, Хытырлу, Халилбеклу, Шыкаки и др.; все они до XVI—XVII вв., а некоторые—и во времена написания нашего источника были иезидами (95б—96а).

Конечно, дело тут не обошлось без того, что именуют удельным патриотизмом,—как мы видели, большую часть курдов-курманджей автор считает дунбулийцами по происхождению. Но несмотря на это, Рустам-хан сообщает весьма важные сведения о различных областях Курдистана и исторической Армении. Достойны внимания, в частности, строки, посвященные описанию поселений курдов-курманджей, начиная с гор Терзин до западных пределов Азербайджана. Большое место уделил автор описанию своего родного города Хоя, که پایتخت سلاطین ارمن بوده—который был столицей Армении (56б, 68а). С особым восхищением описаны природа и богатства Санджара и Терзина, считающихся колыбелью курдов-дунбули. Так, о Терзине он пишет: «Господь-бог защитил Терзинские горы от глаз дьяволов. Пишущий эти строки обошел большую часть этих гор. Страна эта полна всеми благами мира. Немногие знают, что в этих горах есть большие города. Вершины гор покрыты вечным снегом, а на подножье зреют финики и апельсины. Горы сплошь покрыты виноградниками и тутовниками. На высотах построены укрепления. Реки многоводны, по ним ходят корабли» (стр. 56а).

В самых различных источниках Рустам-хан выискивал данные о порядке преемственности некоторых курдских династий, происшедших от дунбулиев, пытаясь уточнить даты их ханства, бекства или бекларбекства. В соответствии с этим книга подразделяется на главы, соответствующие большей частью именам отдельных правителей. Так, несколько глав последовательно названы: «О Наджаф-кули-хане, сыне Шахбаз-хана Дунбули», «Об Амир Худадад-хане, сыне Наджафкули-хана бекларбеки», «Об Амир Фатх-Али беке, сыне Амир Худадад-хана Дунбули», «О Наджафкули хане, сыне Амир-Фатх-Али бека, сыне Амир Худадад-хана» и т. п. Исторические сведения в основном изложены на фоне биографий отдельных лиц, преимущественно вождей разных курдских племен, в ходе изложения, однако, автор часто отвлекается и излагает различные вопросы, волнующие историка.

Для изложения истории до XVIII в. включительно Рустам-хан использовал несколько десятков историографических сочинений на персидском, турецком и арабском языках,

охватывающих почти 800-летнюю историю. Конечно, эта часть его труда носит компилятивный характер, но большая часть использованных источников не опубликована, а это означает, что ссылки Рустам-хана во многих случаях для нас имеют ценность первоисточника. Нельзя, кроме того, не сказать и о том, что некоторые из его источников вообще не известны в науке, например, «Генеалогическая история курдов и персов» Динвари, в которой можно видеть свидетельство не только курдского происхождения этого выдающего представителя средневековой историографии, но и формирование в его время «национального самосознания» курдов[19]. Из использованных источников «Ишарат уль-мазахиб», как автор говорит, «без отклонения от буквы», отметим «Ровзат-ус-сафа» Мирхонда, «Хабиб-ус-сийар» Хандамира, «Тарих-е Джаханара» Кази Ахмад Каффари, «Тарих-е Аламара-йе Аббаси» Искандара Мунши, «Низам аль-Таварих» Абу-Абдуллы Бейзави, «Джаме уль-Таварих» Абу-Саида Бейзави, «Тарих-е ансаб-е акрад ва аджам» Абу-Ханифе Динвари, «Тарих-е хафт иклим» Амми Ахмада Рази, «Шараф-наме» Шараф-хана Битлиси, «Тарих-е Алфи», а также «Тарих-е Саяк» Мухаммада ибн-Насрулла, «Джаханнума» Кятиба Челеби. Особое внимание Рустам-хан уделяет трудам Махмуд-хана ибн-Мухаммад-хана Дунбули «Тарих-е ансаб-е салатин-е акрад» и «Муасир-е салтанийе» Абд-аль-Раззака, приводя из них ценные сведения по истории XVII—XVIII вв.

Наряду с ними Рустам-хан искал материал для своего труда и в художественной литературе. Он часто ссылается на произведения Фирдоуси, Саади, Джалал эд-дина Руми, Катрана Табризи, Аттара, Баба Тахера, Хакани и других корифеев иранской классической литературы.

Часть своего труда, относящуюся к истории конца XVIII в. и первой половины XIX в., Рустам-хан пишет как очевидец. Здесь большое место уделено Ахмад-хану Дунбули и описанию происходивших при нем событий. Записаны такие подробности, которые могут пролить свет на историю Ирана докаджаровского периода. Интересно описание событий в Закавказье и Азербайджане при Карим-хане Зенде, связанных с походом Ахмед-хана сюда. Автор сообщает о заговоре против Ахмед-хана, хотя и его объяснения весьма путаны.

Заслуживает внимания то, что Ахмад-хан поддерживал постоянную связь с курдами-курманджи, проживавшими в областях Северной Месопотамии, в частности, Санджара и Терзина.

---

[19] **Г. Б. Акопов.** Критическая история проблемы происхождения курдов. Ереван, 1969, стр. 60.

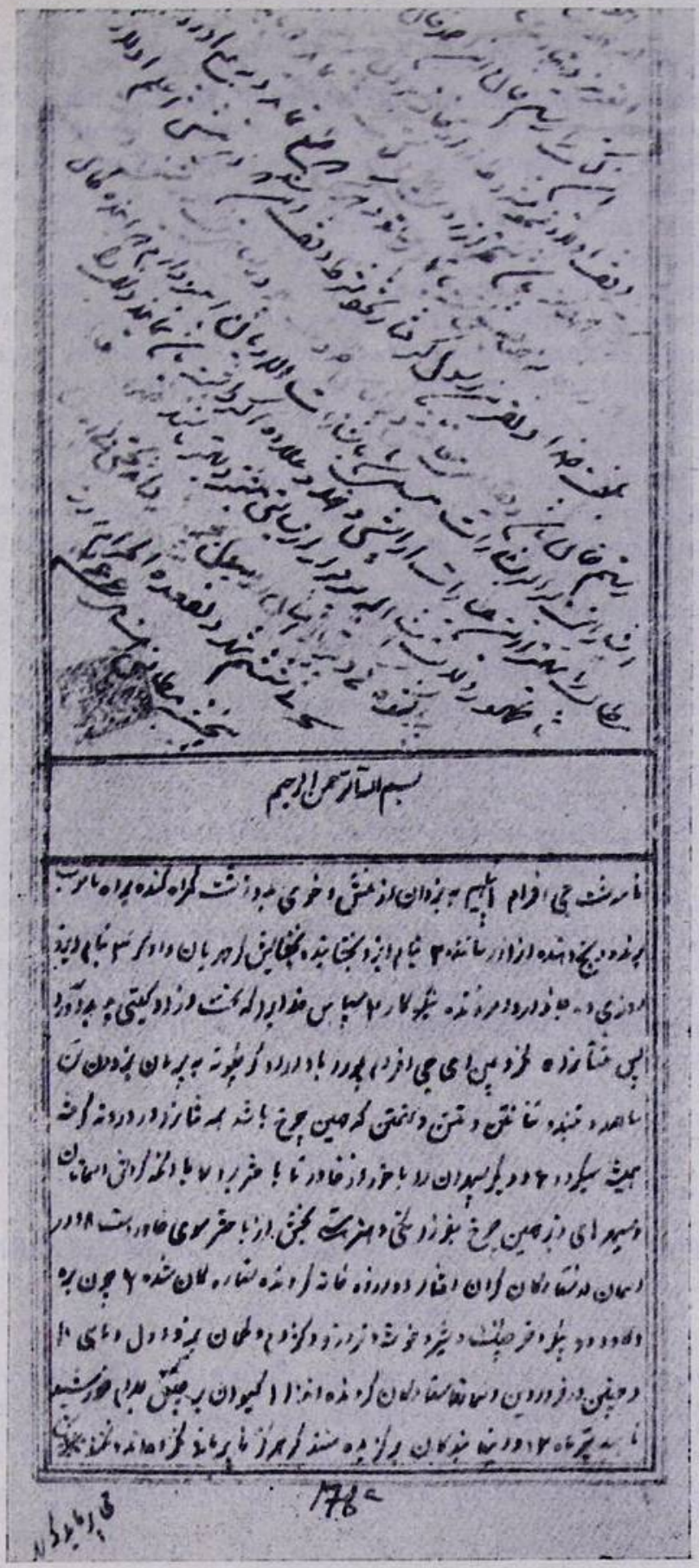

Рис. 3. Первая страница «Ишарат уль-адян».

Особенно много страниц посвящает Рустам-хан тем сыновьям Ахмад-хана, которые после 1805 г. перешли в Закавказье и поступили на службу в русскую армию. Первым из них был Джафар-кули-хан, получивший от русских властей ханство Шаки. В 1814 г. его примеру последовал брат Кялб Али-хан, который в 1828 г. после взятия русскими войсками Хоя на короткий срок был назначен его правителем; он участвовал в сражениях против турок и был назначен губернатором Эрзурума. Рустам-хан упоминает и других дунбулиев, находившихся на русской службе и участвовавших в военных действиях в Европе; некоторые из них были отмечены высшими правительственными наградами, а Мухаммед Таги-хан дослужился до звания генерала русской армии. Эти факты показывают, что историк, занимающийся изучением русско-курдских отношений, найдет в «Ишарат уль-мазахиб» немало интересных данных и по этому неизученному в науке вопросу.

Итак, не имея цели осветить текстологические и историко-филологические вопросы рукописи № 622, мы хотели привлечь к ней внимание курдологов как к весьма ценному источнику по истории курдского народа. Речь идет о том, что данная рукопись содержит три труда курдских авторов, один из которых—незавершенная копия 1850 г. уникального сочинения Абд-аль-Раззака Дунбули «Тарих-е Данабиле», известного специалистам лишь по заглавию. Остальные два текста—это труды нового автора Рустам-хана Дунбули, которые до сих пор не были известны иранистам-курдоведам. Несомненно, что публикация этой уникальной рукописи, снабженная надлежащим историко-филологическим введением, комментариями и индексами, дает нашим историкам-курдологам ценнейший источник по истории курдского народа и его духовной культуре.

Հ. Դ. ՓԱՓԱԶՅԱՆ

ՔՈՒՐԴ ԺՈՂՈՎՐԴԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ՆՈՐ ՍԿԶԲՆԱՂԲՅՈՒՐՆԵՐ

Ամփոփում

Մատենադարանի արաբատառ ֆոնդի № 622 ձեռագիրը բովանդակում է 3 եզակի բնագրեր, որոնցից առաջինը XIX դարի առաջին կեսի հեղինակ Ահմադ խան Դանբուլիի որդի Ռուստամ խանի գրչին պատկանող «Իշարաթ-ուլմազահիբ» (էջ 1բ—173բ),

իսկ երկրորդը (էջ 178ա—220բ) նույն հեղինակի «Իշարաթ-ուլադյան» խորագիրը կրող և մինչ այժմ արևելագիտությանն անհայտ բնագրերն են։

Իր երկու աշխատություններն էլ Ռուստամ խան Դունբուլին նվիրել է Դունբուլի քրդերի պատմական անցյալի և նրանց հավատալիքների ուսումնասիրությանը։ Առաջին աշխատության մեջ Ռուստամ խանը բազմաթիվ աղբյուրների հիման վրա շարադրում է Կուրմանջի քրդերի պատմությունը ըստ առանձին ֆեոդալական տների, վաղ ժամանակներից մինչև 19-րդ դարը։ Հատուկ արժեք են ներկայացնում XVIII դարի վերջի և XIX դարի առաջին կեսի պատմությանը վերաբերող էջերը, որոնք նա շարադրել է որպես ականատես և քաղաքական կարևոր անցուդարձերի մասնակից։

Երկրորդ բնագիրը արժեքավոր է հատկապես իրանական հին հավատալիքների և «յազդանի» քրդերի մոտ դրանց վերապրուկների հանդամանալից ուսումնասիրությամբ։

Ձեռագրի վերջին էջերում գեղեցիկ նասխ գրությամբ կատարված է պարսկալեզու միջնադարյան պատմագրության վերջին ներկայացուցիչներից մեկի՝ Աբդ-ալ-Ռազակ իբն-Նաջաֆկուլի խան Դունբուլիի արևելագիտությանը միայն վերնագրով հայտնի «Թարիխ-ե-Դանաբիլե» խորագիրը կրող աշխատության 1850 թ. մի անավարտ ընդօրինակություն, կնքված Ռուստամ խան Դունբուլիի կնիքով։

Հոդվածում փորձ է արված պարզելու Ռուստամ-խանի ինքնությունը և պատմա-բանասիրական ու տեքստաբանական ուսումնասիրության ենթարկվելով հիշյալ երկերը, ուրվագծել դրանց աղբյուրագիտական արժեքն ու նշանակությունը քրդագիտության համար։